

УДК 821-84

UDK 821-84

**О ПРИЧИНАХ ВСЕСОСЛОВНОГО
ХАРАКТЕРА ЧЕРНОСОТЕННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ**

**ABOUT REASONS OF ALL-CLASS NATURE OF
THE BLACK HUNDRED ORGANIZATIONS**

Размолодин Максим Львович
к.и.н.
*УФСБ РФ по Ярославской области, Ярославль,
Россия*

Razmolodin Maxim Lvovich
Cand.Hist.Sci.
*Yaroslavl Department of the Federal Security Service,
Yaroslavl, Russia*

В статье рассматриваются вопросы о причинах всесословного и интернационального характера черносотенных организаций, действовавших на политическом поле дореволюционной России. В ходе исследования автор приходит к выводу о методологической ограниченности и приземленности позитивистского и классового подходов в решении данной задачи. Делается вывод о том, что побудительным мотивом вступления в монархические организации представителей различных слоев общества находится не в чисто социальной и политической плоскостях (например, защита дворянских привилегий), а в религиозно - мировоззренческой сфере, обусловившей потребность защиты базовых ценностей русской цивилизации (православия, самодержавия, народности)

The article is about reasons of all-class and international nature of the Black Hundred organizations. The author comes to a conclusion about limited method of class approach to solve this problem. According to his research, the main cause of all-class participation in the activity of the Black Hundred organizations was the commonness of religious consciousness and traditional outlook

Ключевые слова: ЧЕРНАЯ СОТНЯ, КОНСЕРВАТИЗМ, ТРАДИЦИОНАЛИЗМ, РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ, БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Keywords: BLACK HUNDRED, CONSERVATISM, TRADITION, RELIGIOUS CONSCIOUSNESS, BASIC VALUES OF RUSSIAN CIVILIZATION

Название черная сотня стало собирательным для нескольких десятков союзов и организаций, действовавших на политическом поле России с начала XX века и до 1917 года включительно. Объединив в свои ряды различные социальные и национальные группы на противодействие революционному движению, крайне правое движение проявило себя как носившее всесословный и интернациональный характер. Каким образом вождям черной сотни удалось консолидировать в своей среде крупные социальные группы, противоположные по своим классовым, сословным и национальным интересам? Почему это движение носило массовый и всесословный характер при очевидных реакционных целях? Эти вопросы в исторической литературе до сих пор остаются дискуссионными.

Так, советская историография утверждала, что черносотенные организации искусственно насаждались «сверху» для защиты

неограниченного самодержавия как противовес либеральному и революционному лагерям. Ставшие определяющими для историков статьи В.И.Ленина – «Политические партии в России» (1912 г.) и «О черносотенстве» (1913 г.) на многие годы укоренили характеристику черной сотни как партии помещиков-крепостников, отстаивавшей «политику старых крепостнических традиций» [1]. Данная точка зрения, утверждавшая, что монархическая идеология не имела глубоких корней в народной среде, а организации формировались за счет отбросов общества методами шантажа и подкупа, мигрировала и в современные исторические исследования. В частности, исследователь И.В.Омельянчук заявлял: «Объективно социальная база консервативной (черносотенной) идеологии была очень узка – помещики, государственная и церковная бюрократия» [2, с.33].

Советская и либеральная историография испытывала серьезные затруднения при обосновании причин массового и всеобщего сплочения людей для защиты дворянско-помещичьих привилегий. «Помещичья» классовая природа черной сотни натыкалась на ряд существенных противоречий, одним из которых является участие в ее союзах значительного числа крестьянства. Действительно, с точки зрения разумного подхода сложно объяснить объединение крестьян для защиты ненавистного дворянско-помещичьего землевладения, а также найти оправдание желанию миллионов людей собственноручно закабалить себя, лишив гражданских прав и участия в управлении государством. Здесь позитивистское сознание натывается на предел, который пока не может преодолеть.

И тем не менее попытки предпринимались. В частности, исследователь И.В.Омельянчук причинами вступления в черную сотню различных слоев населения называл модернизационные конфликты, обострившиеся в российском обществе в начале XX века [3, с.30]. Ссылаясь на известного американского социолога П.А.Сорокина, он считает, что основной причиной всех революций являлось подавление

базовых инстинктов человека, в первую очередь, инстинктов самосохранения, собственности, свободы и др. По прошествии первой фазы революции, имевшей своей целью немедленное удовлетворение наиболее угнетенных из них, наступала вторая стадия, сопровождавшаяся нарастанием подавленности базовых потребностей человека, вызывавшая у населения «усталость» от революции и требование порядка [4, с. 31].

С другой стороны, в современной историографии причины массовости и всеобщности объясняются также использованием черносотенцами в качестве инструмента привлечения православия. И.В.Омельяничук утверждает, что расширить социальную базу черной сотни позволило обращение ее идеологов к неким универсальным ценностям, каковыми и обладало христианство [5, с.32]. По его мнению, использование православной идеи, глубоко укорененной в менталитете русского народа, принесло монархистам немалые политические дивиденды и существенно расширило их электорат. Такая трактовка имела бы право на существование, если бы подкупленные помещиками вожди черной сотни, являясь атеистами, использовали православие как приманку для заманивания электората. Но в том-то и дело, что православие для крайне правых являлось не инструментом политических манипуляций, а предметом горячей, а порой фанатичной веры, формировавшей мировоззрение и взгляд на мир. Черносотенная идеология представляла не искусственно сформированную по заказу крепостников идейную конструкцию, а естественно сформированное столетиями истории народа мировоззрение.

Советские и современные либеральные историки при характеристике черносотенной идеологии акцентировали внимание на социально-экономических факторах и не подвергали серьезному рассмотрению в ее концепции религиозный аспект. Оценка черной сотни строилась лишь на анализе их политических программ, без учета базовых основ их дальнейших теоретических построений. По мнению исследователя консерватизма Э.А.Попова, данный подход обусловил методологическую

приземленность и ограниченность исследовательских подходов, выразившихся в полном невнимании к трансцендентальной сфере и абсолютизации социального [6]. Советские и либеральные историки оставляли за рамками рассмотрения базовые основы идеологии черносотенцев, защищавших не просто государственный порядок, а более сакральные ценности. В результате рационалистический детерминизм приводил к вульгарно-материалистичным выводам, когда на черную сотню навешивались обидные клише реакционеров, крепостников и погромщиков. Доказывая недостатки социологического подхода при объяснении общественных феноменов, Э.А. Попов делает ссылку на Н.А. Бердяева: «Применение абстрактных социологических категорий к конкретной исторической действительности умерщвляло ее (социологию. – М.Р), вынимало из нее душу и делало невозможным живое, интуитивное созерцание исторического космоса. Вашими социологическими отвлеченностями вы разлагали историческую действительность как иерархическую ступень космического целого и сводили ее на простейшие элементы, открываемые другими науками, предшествующими вашей социологии. Вы – упростили и смесители. Поэтому реальность ускользает от вас, не дается вам, поэтому в ваших руках остаются лишь отвлеченные клочья реальности, лишь осколки бытия» [7].

Ответ на вопрос о причинах широкого вливания разнородных социальных слоев в крайне правые организации, видимо, находится не в чисто социальной, материальной и политической плоскостях, сколько в философско-мировоззренческой, а именно: религиозности восприятия окружающего мира, что является недоступным для светского и позитивистского восприятия. Граница между либерально-революционным лагерем и черносотенцами пролегла по линии мировоззренческого раскола между секулярно-позитивистской идеологией в ее различных вариациях и религиозно-традиционалистской. Именно принадлежность к религиозной парадигме, сакрализировавшей монархию и весь быт русской жизни, объединила столь разные, а иногда и противостоящие по социальным и

классовым интересам слою общества. Именно неприятие секулярного мировоззрения с его рационально-логическими методами стало причиной появления всесословного политического движения. «У нас нет ни крестьян, ни дворян, ни нищих, ни миллионеров, есть только братья русские люди. На самую почетную должность выбирают сплошь и рядом самого скромного бедняка, и графы и князья, миллионеры, богачи и богачихи преклоняются перед ним, раз он приносит пользу Союзу, т.е. народу русскому...» - декларировало демократичность и всесословность Союза русского народа (далее СРН) в ноябре 1907 года «Русское знамя» [8].

Если «левые» видели в десакрализованной монархии «дворянско-помещичий строй», которому были принесены в жертву свобода и интересы народа, то черносотенцы видели в самодержавии богоданный порядок властiuстроения, выдержавший проверку временем и историей. Объединение в черной сотне шло не по вектору защиты дворянско-помещичьих привилегий, а по идентичности мировоззренческих взглядов, подобно тому, как в период отечественной опасности объединяются все классы общества в защите общего дома. «Главная же заслуга СРН состоит в том, что он вовремя показал, что трогать Церковь, Царя, Россию и Народ – нельзя, что глумиться над ними - нельзя, что они здоровы и сумеют постоять за себя сами в дни летаргического сна правителей. СРН показал также, что он ни в коем случае не допустит дележа России» - утверждала черносотенная пресса [9].

По существу, в исторической литературе происходила подмена понятий, когда черносотенцев характеризовали как наймитов дворянско-помещичьего класса. Побудительным мотивом вступления в правые монархические организации представителей различных слоев общества являлось желание защитить не дворянские привилегии, а базовые ценности русской цивилизации – «православие, самодержавие, народность». Исходные намерения у помещиков и крестьян в отстаивании устоявшихся социально-экономических отношений были разными. Так,

если помещичье землевладение для Объединенного дворянства являлось предметом защиты и сохранения своего экономического господства, для революционного лагеря – поводом для насильственного переустройства мира, то для черной сотни – отражением их глубокого консервативного мировоззрения, выразившегося в эволюционном и ненасильственном характере преобразований богоданного порядка. Это, кажется, более обоснованным ответом на вопрос о всеобщем характере СРН, чем «оболваненность и запуганность» крестьянства, которое шантажом и угрозами заставили встать на защиту помещичьего землевладения. С другой стороны, возникает вопрос: а так ли уж крайне правые ратовали за сохранение помещичьего землевладения? Нет, они отстаивали принцип легитимности, то есть законной процедуры перехода частной собственности из одних рук в другие, в то время как революционные партии декларировали насильственный путь изъятия. Отказ от насилия в земельном дележе и стал, по всей видимости, причиной определения классовой природы черносотенных союзов как дворянско-помещичьих.

Консерватизм масс, выразившийся в отстаивании базовых ценностей русской цивилизации (православие, самодержавие, народность) и обусловивший всеобщий характер черносотенных организаций, имел психологический, социальный и религиозный аспект. Краткий экскурс в историю европейского консерватизма показывает, что он вырастает на основе традиционализма, который зачастую трактуется как универсальная психологическая позиция, проявляющаяся у различных индивидов в виде тенденции держаться за прошлое и как страх перед обновлением. Однако эта психологическая тенденция может обрести особую функцию и в социальном процессе. В период стабильности индивиды являются бессознательными носителями инстинктивного традиционализма, но в случае серьезной угрозы традиционному миропорядку дремлющая психическая энергия переходит в политическую. Так рождается не только широкое консервативное движение, но и консервативная политическая идеология. Проводя аналогию, можно сказать, что черносотенная система

взглядов есть не что иное, как вариант традиционализма, который стал сознательным.

В значительной мере консервативные симпатии широких черносотенных масс носили стихийный характер. По терминологии К. Манхейма, этот вариант консерватизма правильней назвать традиционализмом, то есть несознательным консерватизмом [10]. Представляя внутреннюю потребность человека (как одно из свойств человеческой психики), традиционализм обуславливается наличием корней, обычаев, связью с прошлым, принятием истории своей родины. Традиционализм как тип мышления крайне многолик и практически не изучен, а потому не поддается четкому определению. Принятие традиции – акт прежде всего подсознательный, определяющийся множеством факторов, связанных с особенностями человеческих судеб. Человека, привязанного к традиции, невозможно поколебать какими-либо рассудочными аргументами, как и привлечь его внимание к иной традиции. Именно здесь и пролегла очередная граница между членами черносотенных организаций и представителями либеральных партий, нашедших свою духовную родину на Западе и пытавшихся перенести на русскую почву сформированные в иных социокультурных условиях нормы социального бытия. Попытки привести какие-либо разумные объяснения разновекторной мировоззренческой направленности между двумя частями одного народа вряд ли будут успешны, так как затрагивают пока не изученный аспект отношений человека и традиции.

В отличие от идеологов черной сотни сам по себе осознанный идейный консерватизм широких масс едва ли существовал. Внутреннее единство присущего черносотенцам мировоззрения базировалось на «внеконцептуальном» традиционалистском мышлении, тогда как его оторефлексированные политические программы представляли собой всего лишь реакцию на определенную социально-политическую ситуацию. Иными словами, стихийный консерватизм широких слоев заключался не в поиске идеологических основ, а в обосновании существующего

миропорядка. Правильней говорить об охранительных настроениях русского населения, которые строились на некой универсальной ценности, а не на классовом эгоизме отдельного слоя. Черносотенные идеологи с сожалением указывали, что понятие самодержавия осознается массой населения только на уровне чувств. В связи с этим свою задачу они видели в трансформации данного понятия из «области Чувства в область Разума» посредством разработки рациональной аргументации преимуществ монархии перед другими способами правления [11]. Лишь у немногих представителей черной сотни консерватизм обретает форму стройной идеологии, перерастающей форму банального охранения в четкую систему взглядов, отстаивающую универсальные ценности. Тем не менее попытка перевести стихийный традиционализм масс в качественно новую форму - осознанное следование традиции черносотенными идеологами предпринималась посредством внедрения в общественное сознание теоретических разработок русских консерваторов XIX-XX веков.

Черная сотня представляла консервативное движение, объектом охранения которого была не только монархия, а все целостное жизнеустройство тогдашней России, выражаемое триадой «православие, самодержавие, народность». Председатель Астраханской народно-монархической партии Н.Н.Тиханович-Савицкий в январе 1909 года писал: «Мы защищаем родное, русское; мы защищаем царя, веру, семью, власть, нравственность, величие России, русскую народность. Это ли вред?» [12]. Пытаясь определить национальный исторический архетип, Н.Бердяев обозначил несколько специфических признаков («свойств») русского характера: догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя веры и устремленность к трансцендентному [13, с. 9]. Носителем этой «религиозной формации русской души» и явились черносотенцы. Они не только соответствовали русскому национальному «формату» вообще, но в максимально возможной степени выражали русский архетип. Им был присущ и традиционный стиль мышления - умонастроение, охватывавшее достаточно широкие массы

дореволюционной России, характеризовавшееся приверженностью традициям, упорядоченности, стабильности, отвергавшее революционные настроения и с сомнениями относившееся к радикальному реформизму. Характеризуясь углубленной религиозностью, такое умонастроение считало принципиально недостижимыми и даже греховными цели установления разумного социального порядка по заранее намеченному плану и склонялось к признанию необходимости «органического» строения общества на базе естественности развития.

Религиозный фактор является определяющим при решении вопроса идентификации принадлежности к черной сотне. «Русское знамя» давало такое определение черносотенцу: «Верный сын Православной церкви не может не быть верноподданным своему государю, не может не быть верным сыном своей Родины. Единственным верным пробным камнем для истинного члена СРН всегда была, есть и будет его неизменная верность Святой матери - Православной церкви: служа ей до самопожертвования, русский человек этим самым вернее всего послужит к утверждению незыблемости Царского престола, колеблемого врагами Бога и царя, и к сохранению целостности Родины...» [14]. Неслучайно современные исследователи, определяя черную сотню как активную часть православной религиозной общности, ведут ее истоки из монашеских конгрегаций. Это признается как представителями современного русского национал-патриотического движения, так и представителями Русской православной церкви. В изданной в 1999 году в Барнауле брошюре «Краткий катехизис черносотенца» иеромонах Нафанаил (Судников) указывал на религиозные корни движения: «Черными сотнями на Руси назывались отряды народного ополчения, вместе с которыми всегда шли православные монахи и священники. Черные сотни как русское историческое явление ведут свое начало от святых Александра Пересвета и Андрея Осляби, схимонахов, которые по благословению преподобного Сергия Радонежского, игумена земли Русской, на Куликовом поле отстаивали Святую Русь как воины... Бойцы черной сотни шли впереди сражающихся

за Святую Русь. Черносотенцем был святой праведный Иоанн Кронштадтский, который в начале нашего века вдохновлял это движение...».

Черносотенцы, переживавшие революционные потрясения, воспринимали происходящее не только с политической, но и с эсхатологической точки зрения. На их глазах шло крушение не просто устоявшихся властных структур, но и всего традиционного мировоззрения. Подвергнутое удару самодержавие было связано с темой священного предания, доступной пониманию лишь православным верующим. Здесь традиционализм проявился в восприятии исключительно духовно-религиозного, а именно - православного фундамента самодержавной власти как мистической субстанции, ставшей структурообразующим элементом исторического существования России. «Политический строй русского государства составляет предмет настоящей и политической веры русского народа, которой он держится и будет, несмотря ни на что, твердо и неизменно держаться именно как веры», - утверждалось в отзыве группы правых деятелей «Кружок москвичей» [15]. Для русского православного сознания только «богоодушевленное» самодержавие являлось формой торжества земной справедливости, исторической истинности или, по русскому определению, — «Царством правды». На приеме царем депутации Союза русского народа 23 декабря 1905 года крестьянин В.А. Андреев заявил: «Верь, государь, что русский народ, вручивший судьбы царю-батюшке, не тяготится властью его. Он глубоко верит и сознает, что власть царя – власть от Господа. Правда царя – правда Божья» [16].

По мнению Э.А. Попова, важное значение для анализа исследуемой проблемы имеет различие либерального и консервативного подхода к истории [17]. Мировоззрение черной сотни реально являлась фокусом традиционного миропонимания на переломном рубеже общественного сознания, когда отчетливо обозначились признаки его дисперсной ориентированности. Раскол прошел и по линии отношения к прошлому.

Отвергнув секуляризм и сохранив христианское миропонимание, черносотенцы целиком принимали национально-государственное предание, а также традиционные ценности, которые должны были сохраняться и впредь. Это являлось не рецепцией бессознательного рефлекса, а вполне осознанным выбором. Если крайне правые, несмотря на негативное отношение к петровским реформам, принимали прошлое страны, то либеральная часть общества подвергла историю России уничижительной критике. Рассматривая различия в мыслительных навыках либералов и консерваторов, Э.А.Попов на основе разработок К. Манхейма отмечал повышенный интерес, проявляемый ими соответственно к философии (абстрактное теоретизирование, априорно присущее либеральному стилю мышления) и к истории (свидетельство реального опыта жизни нации, высоко ценимого консерваторами) [18]. По мнению К. Манхейма, «историзм ... в узловых точках имеет консервативные черты... Он играет роль политического аргумента против революционного разрыва с прошлым». При этом для консервативной мысли характерна «эмоциональная симпатия к предмету исследования», абсолютно чуждая сухому рационализму прогрессистов. Различным было и отношение к историческому прошлому: «Прогрессист переживает настоящее как начало будущего, консерватор же считает его последним пунктом, которого достигло прошлое... Консерватор переживает прошлое как нечто равное настоящему... выдвигает на первый план сосуществование, а не последовательность» [19].

Мировоззрение черной сотни было неразрывно связано с религиозным сознанием, национальным духовным миропониманием и православным восприятием власти. Данная тема, касающаяся религиозного идеала и ценностей и являющаяся закрытой сферой личных чувств и эмоциональных восприятий человека, трудно поддается артикулированию в научных работах. Попытки изучения религиозного сознания с материалистических позиций вряд ли будут успешны. Прагматический и рационалистический подход оставляет за рамками

рассмотрения темы, относящиеся к иррациональной сфере, но имеющие не меньшее влияние на социум, чем материальные факторы. Толерантность и уважение к ценностям верующих людей, непредвзятое осмысление людей и событий в реальных обстоятельствах времени и места должны стать исходным исследовательским приемом, который поможет понять присущую черносотенцам систему взглядов.

Традиционалистские воззрения, а вслед за ними и черносотенная система взглядов являются отражением миропонимания человека определенного времени. Русский подданный начала XX века, веривший в богоданность самодержавия и самобытный путь России, являлся человеком своей эпохи, системы личных и общественных приоритетов. Для крайне правых понятия черносотенец и русский были синонимами. Для них многовековая жизнь русского народа в условиях общины и борьбы за выживание сформировали черты национального характера русского народа, выразившиеся в патриотизме, преданности народным традициям, обычаям и идеалам, воплотившимся в XIX веке в формулу «православие, самодержавие, народность», что, собственно, и составляло сущность черносотенной идеологии. По существу, черносотенство являлось выражением коренного, неиспорченного заимствованиями русского духа, сумевшего сохраниться после космополитических реформ XVII-XIX веков. Мироззрение черносотенца целиком находилось в традиционном русле православных представлений: почитание государственных и семейных традиций, безусловное подчинение абсолютному нравственному закону. Он не принадлежал к числу людей с высокими интеллектуальными запросами, это был человек традиционной православной культуры, считавший посягательство на позиции церкви в обществе не просто заблуждением, но и непростительным преступлением. Для черносотенца долг христианина был не просто первее других приоритетов, но абсолютно значим.

В отличие от либералов-рационалистов и социалистов-атеистов черносотенцы являли собой типичный культурный тип тогдашней России.

Именно черносотенцы являлись «массой» народа, среди которого либералы и революционеры составляли незначительное меньшинство. На это указывал и руководитель Монархической партии В.А.Грингмут в брошюре «Руководство черносотенца-монархиста»: «Черносотенцы-монархисты - это тысячи, миллионы, это - весь православный русский народ, остающийся верным присяге неограниченному православному царю» [20, с.156]. «Того, что наши народные массы – «черносотенные», - не может отрицать никто. Глубокая вера в Бога, непоколебимая преданность царю и покорность законным властям издавна являются отличительными чертами нашего крестьянства» - вторило ему «Русское знамя» [21]. На упреки либеральной и революционной части общества о «невежественности» и «темноте» монархически настроенных крестьянских масс черносотенцы заявляли: «...духовная просвещенность совершенно не зависит от степени образованности, и неграмотный человек сплошь и рядом бывает в миллионы раз просвещеннее ученейшего профессора» [22].

О принципиальности для черной сотни заявленных принципов свидетельствовали предъявляемые ими требования для контактов с другими организациями. Минимум их был изложен на состоявшемся в 1909 году Монархическом съезде в Москве, который заложил критерий отношения к политическим партиям: «... все правые партии, каких бы наименований они ни были, лишь бы признавали незыблемыми начала — православие, неограниченное самодержавие и народность, — никогда не входят ни в какие соглашения и объединенные действия, особенно же во время выборов в Государственную думу и Совет, ни с октябристами, ни с кадетами и всеми еще более враждебными русскому государству и русской народности политическими партиями» [23, с.136].

Традиционализм обусловил демократический и непривилегированный характер черносотенных организаций, появившихся на политической арене в момент противостояния различных групп элит. Абстрагируясь от русской элиты – бюрократии (политическая элита), интеллигенции (интеллектуальная элита) и буржуазии

(промышленно-финансовая элита), идеологи крайне правых, указывали, что «верхи» уже задолго до революции 1905-1907 годов перестали быть носителями традиционных русских ценностей, попав под влияние различных западных доктрин. Образно говоря, если низы оставались верны русскому «формату души», то, не только революционеры-радикалы и либералы-интеллектуалы, но и сановно-аристократический мир оказались носителями европейского секулярного мировоззрения. Разрыв элиты с ценностями русской цивилизации и «верованиями» своего народа, по мнению черносотенных идеологов, стал причиной национальной трагедии: «Революцию создали, но, к счастью, не могли углубить верхние слои населения ..., воспользовавшиеся войной и во время не разоблаченные и не раскрытые в своих помыслах правящей властью, лишенные верноподданнического долга и чести» [24]. Впоследствии один из крайне правых идеологов Н.Е.Марков напишет, что и революция 1917 года была подготовлена «в умах народа планомерной предательской деятельностью послушного скрытым велениям темной силы либерального большинства Государственной думы» [25, с.153]. Под «темной силой» подразумевалось масонство и стоящее за ним еврейство, сумевшее сделать «заправских российских помещиков» орудием в своих руках. В противовес элите черносотенцы рассматривали себя как носителей исконно русских нравственных устоев и здоровую силу, появившуюся в экстремальный для страны момент всеобщего «шатания умов, чувств и убеждений, среди полного упадка веры и нравственности...», пошедшую наперекор массовому течению, осмелившуюся призывать к «молитве, к патриотизму, к верности государю...» [26].

Другим стереотипом советской и либеральной историографии является утверждение о прямой подчиненности черной сотни правительственной бюрократии в качестве наемного орудия по подавлению революции. В частности, в исторической литературе утвердилось мнение, что лагерь реакции представлял пирамиду, состояв-

шую из двух уровней - высшего и низшего [27, с.224]. К первому относился царский двор и правительственный аппарат, ко второму – многомиллионная масса членов черносотенных организаций. Анализ непростых взаимоотношений крайне правых и бюрократического аппарата оспаривает данную точку зрения. Резкая критика правительственной политики, заставившая «верхи» квалифицировать черную сотню как «революционеров справа» и инспирировать раскол их организаций, имела в своей основе разность исходных посылов и мотивации политической деятельности, несмотря на наличие общих взглядов по некоторым вопросам. Если целью борьбы черной сотни с революцией была защита базисных ценностей российской цивилизации, то разложившаяся и переродившаяся бюрократия исходила из экономических интересов сохранения привилегий правящего класса. Противопоставляя себя «верхам», идеологи черной сотни заявляли, что на защиту устоев поднялись именно сохранившие веру в царя «низы», в отличие от расставшихся с традиционным православно-государственным мировоззрением представителей интеллектуальной и родовой элиты.

Истинным носителем самодержавных идеалов, согласно черносотенным воззрениям, являлось русское крестьянство, «предельно преданное самодержавному царю, признающее его своим единственным защитником и заступником, истинным представителем народных желаний, стремлений и носителем мощи и чести русского народа» [28]. Акцентируя свой демократизм, крайне правые идеологи приняли данную им врагами «кличку» «черная сотня» в силу ее народного значения и антиэлитарного смысла. Именно крестьянство, рассматривавшееся как опора консервативного режима, ядро нации и носитель «охранительных начал», в России в глубине веков носило это название. Проведя исторический анализ происхождения данного названия, профессор В.Залесский писал в «Русском знамени»: «Третий класс посадских людей составляли черные сотни. Сотня означает, как сказано, городскую общину, на современном языке «мещанское общество». Черными же людьми назывались все те, кто

не имел никаких привилегий, не был освобожден от податей и повинностей. Например, крестьяне, освобожденные от податей, назывались белопашцами, все остальные – черносошными. Значит, черная сотня - это рядовые непривилегированные обыватели, иначе сказать, вся сила земли русской» [29]. Непривилегированный характер черной сотни вынуждены были признать и их политические враги. «В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это - темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий» - писал в 1913 году В. И. Ленин, которого трудно заподозрить в симпатиях к крайне правым [30, с.18].

По мнению В.В.Кожина, ленинское определение «мужицкий» в отношении крайне правого движения не вполне верно, так как оно охватывало все классы и сословия российского общества. Доказывая «общенародность» правомонархического движения, он указывал, что в нем принимали участие князь Рюриковичи (например, правнук декабриста М. Н. Волконский и Д. Н. Долгоруков), и рабочие Путиловского завода (1500 из них были членами Союза русского народа), видные деятели культуры, крестьяне, купцы и иерархи Церкви [31].

В носившем всесословный характер черносотенном движении именно дворяне нередко выдвигались на руководящие посты в силу присущих данному сословию высокого уровня политической активности и образования. Давая импульс для единения в крайне правые союзы политически инертных носителей традиционных устоев из иных слоев, они выполняли организующую функцию. По подсчетам С.А.Степанова, в Главном совете СРН — 17 из 34 членов принадлежали к дворянскому сословию. Среди 45 председателей губернских отделов СРН было 29 дворян. В Союзе русских людей среди 48 членов-учредителей 31 принадлежал к дворянскому сословию. [32, с.111].

Действительно, многие представители дворянского сословия поддерживали принципы правомонархических партий и организаций, принимая непосредственное участие в деятельности черной сотни. Однако

утверждать, что дворянство безоговорочно поддерживало самодержавие нельзя. Именно представители данного сословия возглавляли оппозиционные (П. Н. Милюков) и даже революционные (В. И. Ленин) партии. Первая мировая война и связанные с нею трудности привели к резкому полевению настроений дворянства, что свидетельствовало о неустойчивости монархических убеждений в данной среде. Идеолог черной сотни К. Н. Пасхалов в октябре 1915 года писал Н. А. Маклакову: «...дворянство осталось совсем в стороне от монархического движения благодаря безучастию главарей - Самариных, Хомяковых и др.» [33, с. 169].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что черносотенная идеология носила универсальный христианский характер, являясь отражением миропонимания традиционалистской части населения России, апологеты которой находились во всех слоях общества, как среди помещиков, так и среди крестьян. Черносотенцы защищали не помещичью служанку – монархию, ее государственные и религиозные институты, а традиционные самобытные отношения и формы русской жизни. Именно отстаивание базисных ценностей русской цивилизации и обусловило всесословный характер черносотенных организаций.

Библиографические ссылки:

1. См.: Ленин В. И. Политические партии в России // Полн. собр. соч., 5 изд., Т.21; его же. О черносотенстве // Там же. Т.24.
2. Омелянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901 - 1914 гг.). АКД. Воронеж, 2006.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
- 6.См.: Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2005. <http://www.fidel-kastro.ru/history/rossia/ruskons.htm>
7. Там же.
8. Русское знамя. 1907. 25 ноября.
9. Там же. 1911. 27 марта.
10. См.: Попов Э.А. Указ.соч.
11. Русское знамя. 1907. 22 мая.
12. ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.853. Л.57.

13. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
14. Русское знамя. 1911. 9 марта.
15. См.: Отзыв на Обращение «Русского Собрания» к единомышленным партиям, союзам и русскому народу по поводу Манифеста 17 октября. М., 1906.
16. Русское знамя. 1906. 9 января.
17. См.: Попов Э.А. Указ.соч.
18. Там же.
19. Там же.
20. Грингмут В.А. Собрание статей. Т.1-4. М., 1906-1910. Т.2.
21. Русское знамя. 1916. 1 декабря.
22. Там же.
23. См.: Сборник съезда русских людей в Москве 24 сент. - 4 окт. 1909. М., 1910.
24. Русское знамя. 1911.27 апреля.
25. Марков Н. Е. Войны тёмных сил. Статьи. 1921-1937. М., 2002.
26. Русское знамя. 1907. 1 августа.
27. Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. 1912-1914. М., 1981.
28. Вестник русского собрания. СПб. 1906. 22 сентября.
29. Русское знамя. 1907. 3 апреля.
30. Ленин В. И. Указ.соч. Т.24.
31. Кожин В.В. “Черносотенцы” и Революция (загадочные страницы истории). М.,1998. <http://www.rus-sky.com/history/library/kozhinov.htm#1-10>.
32. Степанов С.А. Черная сотня в России (1905 – 1914 гг.). М., 1992.
33. Минувшее. СПб., 1993. Т. 14.

М.Л.Размолодин